

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

П.П. Шкаренков

ROMA AETERNA:

риторический образ «римского мифа» на рубеже времен

Рубеж времен – эпоха, когда поступь истории кажется неотвратимой. В исторических переломах просматривается какая-то общность, делающая их похожими в общественных, политических и личных аспектах, в ситуациях и психологических коллизиях. В эти периоды возрастает роль масс, но и наиболее ярко заявляют о себе индивидуальные характеры. В то же время в их яркой оригинальности при более глубоком постижении внезапно проступает историческое сходство, дающее основание для параллелей и аналогий, преодолевающих время и пространство. Для истории очень важно то, что человек делает, но не менее важно и то, как он воспринимает мир и себя, как он думает. Мысль, идея, интеллектуальная устремленность – мощные факторы жизни, а следовательно, и истории, ибо она не взаимодействие безличных сил, но бесконечное сплетение человеческих судеб, действий, помышлений и чувствований, из которых и складываются события, ее наполняющие.

Флавий Кассиодор – один из крупнейших политических деятелей, ораторов и писателей поздней античности и раннего средневековья – прожил долгую жизнь. Когда он родился в 485 г., только что исчезла Западная Римская империя, но в Италии, оказавшейся менее затронутой германски-

ми вторжениями, обстановка оставалась еще относительно благополучной, античные политические и культурные традиции казались вечными и незблемыми. А перед смертью, достигнув почти столетнего возраста, Кассиодор видел разорение страны после византийско-готской войны, слабость византийской администрации и первые вторжения лангобардов. Таким образом, волею судеб он оказался свидетелем и участником крупнейшей исторической драмы в истории Европы, называемой эпохой перехода от античности к средним векам.

В последние годы растет удельный вес исследований, в которых особое внимание обращается на специфические для каждой эпохи особенности мировосприятия, нормы мышления, формы и традиции поведения. Целью исследования становится познание исторического процесса не путем наложения системы научных категорий на жизнь былых эпох, а через человека, через проникновение в самосознание изучаемого времени, через рассмотрение исторически изменчивой «картины мира», в том виде, в каком этот мир реально жил в сознании человека прошлого. «Главный “постмодернистский вызов” истории направлен против ее представления об исторической реальности и, следовательно, об объекте исторического познания, которые выступают в новом толковании не как нечто внешнее познающему субъекту, а как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой. Язык рассматривается не как простое средство отражения и коммуникации, а как главный смыслообразующий фактор, детерминирующий мышление и поведение»¹. Необходимо также отметить, что конкретные события и эмпирия жизни не исчерпывают собой все, что есть в истории. Не менее важной ее частью является отражение этой действительности в сознании времени – отражение, которое воздействует на ход и исход реальных событий. Событийный ряд, подчиненный определенным историческим закономерностям, обретает свою полноту, отражаясь в повседневных формах мышления и поведения. Возникает образ реальности,

который никогда в жизни воплощен не был, но и никогда не был ей абсолютно чужд, опровергаемый на уровне общественно-исторической эмпирии, но и воздействующий на нее, отражающий глубинные тенденции ее развития, живущий в сознании коллектива и влияющий на его мировосприятие. «Главным предметом истории становится не событие прошлого, а память о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, транслировался непосредственно потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях, подвергался “проверке” и “фильтрации” с помощью методов исторической критики»². Этот образ формируется и фиксируется прежде всего в риторически организованном слове, ибо только ясная, эстетически совершенная форма делает содержание не просто личным самовыражением, а общественно значимым, понятным окружающим и потому единственно реальным³. В римском мире риторика была не только частью образования, но неотъемлемым элементом образа жизни, необходимым компонентом системы государственной власти и морали, выраженным в культурно-эстетической установке, характеризующейся приматом общественно-исторического целого над конкретно-историческим бытием индивида⁴.

Особое в произведениях авторов конца V – начала VI вв. занимает тема прославление Рима. Экономическое и политическое положение «Вечного города» в это время было уже незавидным. Однако Рим продолжает привлекать к себе взоры и внимание жителей империи. Почему же именно в конце V в. оживает во всей полноте идея могущества и вечности Рима? Вряд ли потому, что римляне не замечали разницы в положении Рима в прошлом и в современную им эпоху. То искреннее прославление Рима и его могущества, которое авторы распространяют и на современный им «вечный город», то постоянное восхваление власти Рима в произведениях римлян и провинциалов, воспринявших римскую культуру, свидетельствуют об их горячем желании видеть Рим именно таким. Как отмечает Л.П.

Репина: «Историческая память мобилизуется и актуализируется в сложные периоды жизни нации, общества или какой-либо социальной группы, когда перед ними встают новые трудные задачи или создается реальная угроза самому их существованию. Такие ситуации неоднократно возникали в истории каждой страны, этнической или социальной группы»⁵.

Историю поздней Римской империи и римской литературы замыкает масштабная фигура Флавия Магна Аврелия Кассиодора Сенатора – одного из величайших культурных деятелей рубежа античности и средневековья. При переходе от «рах готана» к средневековой Европе непосредственные интеллектуальные связи между уходящим античным миром и складывающимся средневековым по-прежнему являлись основой культурной жизни общества. Нагляднее всего это видно в деятельности выдающихся государственных деятелей, эрудитов и просветителей, главной целью которых было сохранение преемственности античной культурной традиции в условиях постепенного распада античного мира, общей варваризации, упадка культуры и образованности. Среди них особое место по масштабу деятельности и по ее значимости для дальнейшей средневековой культуры принадлежит Флавию Кассиодору⁶.

Перу Кассиодора принадлежит много разнообразных сочинений. Особой популярностью пользовались написанные им так называемые «*Variae*» – сборник актов и официальных посланий, составленных Кассиодором в качестве квестора дворца и *magister officiorum* от имени короля Теодориха и высших должностных лиц. Сборник преследовал как литературные, так и политические цели, являясь образцом изысканного дипломатического и административного стиля, вызывавшего восхищение еще в эпоху Возрождения. Язык «*Variae*» – «смесь риторики и очень точного языка юриспруденции и государственной практики»⁷ – сформировал уникальный, эталонный, вневременной, идеализированный образ Остготского королевства как законного и естественного преемника Западной римской

империи, традиций римской государственности, образованности и культуры.

Ориентация на поддержку римских традиций нашла отражение и непосредственно в социокультурной сфере. В духовной жизни общества шла активная переработка «мыслительного материала» античности. В этом процессе латинский элемент сохранял приоритет. При этом идея величия и незыблемости Рима обогащается существенными новыми акцентами, проследить которые мы можем по «*Variae*» Кассиодора. Детальный анализ этого памятника может дать представление о типах мышления, когда-то преобладавших в определенной социальной группе Запада и – в качестве своего рода культурных реминисценций – сохранившихся в последующую эпоху. Ибо в литературно-художественном, лексическом и стилистическом своеобразии «*Variae*» можно уловить такие культурно-исторические значимые мотивы, которые характерны как для самосознания тех, кто жил в ту эпоху, так и для самосознания нарождающегося средневековья, причем речь здесь идет как об индивидуальном, так и о коллективном самосознании. Рассмотрение «*Variae*» в их социальном, политическом и культурном контексте, или, иначе говоря, их «реконтекстуализация», может привести нас к немаловажным выводам об особенностях общественного сознания (по крайней мере в таких аспектах как историческая и культурная память), детерминировавших жизнь в одном из центров европейской цивилизации.

Пространное «*Praefatio*» дает ясное представление о намерениях автора. Среди них можно выделить несколько основных связанных между собой задач:

«*Variae*» – это произведение педагогическое, призванное готовить людей к государственной службе⁸.

«*Variae*» будут представлять исторический интерес, учитывая, что деяния королей, имена достойных людей и старания Кассиодора со временем забываются⁹.

«Variae» будут иметь и морально-этическое значение, являясь свидетельством усилий, предпринимаемых для обеспечения порядка¹⁰.

Наконец, «Variae» станут источником знания для будущих поколений и о самом Кассиодоре¹¹.

Таким образом, Кассиодор считает «Variae» свидетельством как о самом себе, так и о своем времени. Автор говорит, что это «зеркало его души» показывает чистоту его намерений и величие Остготского королевства. Таким образом, идеологическое значение «Variae» оказывается не второстепенным элементом, теряющимся за достоинствами и красотами литературного стиля, а основным содержанием произведения. Литературное тщеславие отступает на второй план перед политическим расчетом. На этом основании «Variae» могут считаться оригинальным авторским произведением, хотя меру их оригинальности определить трудно.

Эпоха задавала исходные положения, на которых создаваемый образ должен был строиться: героичность и непреходящая ценность Рима, вечное торжество империи как идеального мироустройства, ее существование не только непосредственно практическое, но и социально-психологическое, духовное, корректируемое эмпирией жизни, но и постоянно присутствующее в ней. Традиции римской эпистолографии, обусловленные ими литературно-стилистические вкусы Кассиодора как писателя, реальное содержание эпохи, разворачивавшееся у него на глазах, некоторая отчужденность взглядов, порожденная стилем жизни, – все требовало воссоздания не столько конкретных деталей и политических частных, сколько обобщенного и обращенного к потомкам величественного и монументального образа «Вечного города».

Основное идеологическое напряжение «Variae» заключается в тонкой стилистической игре автора на королевском титуле Теодориха и его преемников. Задача, надо заметить, изначально не из легких. Для Римской империи слово «rex» содержало в себе намек на узурпацию власти, что

безусловно не могло приветствоваться в Константинополе, но особенно оскорбляло патриотические чувства провизантийски настроенной римской знати. Для интеллектуалов понятие «*rex*» было неразрывно связано с тиранической формой правления, что ясно проявилось в «Утешении философией» Боэция. Наконец, для всех римлян, независимо от их образования и социального положения, как на Востоке, так и на Западе, королевская власть являлась синонимом варварского господства. Перед Кассиодором, таким образом, стояла задача попытаться как-то нейтрализовать эти, без сомнения негативные, ассоциации, связанные с термином «*rex*». Принимая во внимание, что приход к власти Одоакра вовсе не означал в глазах римлян падение империи, нужно было найти что-то другое, что примирило бы сам факт установления в Италии готской королевской власти с образом мысли и чувствами римского народа. Речь могла идти только о том, чтобы стереть всякую память о *rex Gothorum* и создать вокруг титула *rex* систему гармонично связанных с римской традицией ассоциаций. В этом смысле «*Variae*» занимают особое место в истории политической мысли, так как представляют собой попытку включить в традиционную римскую систему представлений новый образ королевской власти. Чтобы реализовать подобную программу требовалось исключительное политическое и стилистическое мастерство и богатое воображение.

Победив Одоакра и получив признание Константинополя, Теодорих оказался достаточно прозорливым, чтобы понять, каким принципам он должен следовать, управляя Италией. Не разрушать, а восстанавливать, и не отменять, а сохранять – в этом суть проводимой им политики, которая известна нам благодаря «*Variae*» Кассиодора. Но для нас важны не действия Теодориха сами по себе, а избранная Кассиодором манера их изложения. Под пером Кассиодора создается новая политическая реальность, накладываемая на событийный ряд, никогда не воплощенная в реальной жизни, но и не абсолютно ей чуждая, в которой общественно-историческая

эмпирия обретает всю свою полноту. Во всех деяниях Теодориха Кассиодор усматривает следование определенному культурно-историческому идеалу. Все его действия являются проявлением его королевской природы, важным оказывается не то, что он имеет титул *rex*, а то, что он представляет собой воплощение всех качеств, присущих идеальному государю. На формирование этого комплекса идей и представлений, которые мы формулируем, конечно, более четко и прямолинейно, чем Кассиодор, сильнейшее влияние оказали античная политическая теория и философская традиция неоплатонизма, столь популярная в позднем Риме. Устойчивостью стилизованных форм, характерных для римской канцелярской риторики, на которую указывает В. Энслин, дело не исчерпывается¹². Стиль не складывается на пустом месте, и если он сохраняется и даже становится еще более цветистым в сочинениях Кассиодора, то происходит это из-за того, что лежащие в его основании идеи были еще актуальны, отражаясь в формах мышления и поведения. Интеллектуальный ренессанс, переживаемый Остготской Италией в первой трети VI в., отразился и на политической жизни¹³.

В письме к императору Анастасию Теодорих говорит о себе скорее как об ученике императора, а не подданном. «... Мы изучили (*didicimus*) образ правления римлянами согласно справедливости»¹⁴. Используя перфект, король как будто бы сам выдает себе диплом о соответствующем образовании. Заметим, впрочем, что глагол *discere* вводит в данном контексте платоновское представление о политической науке. Речь идет не об искусстве управления в целом, но об особых правилах этого искусства, которые имеют непосредственное отношение к управлению римлянами. Значение глагола *imperare*, часто оказываясь довольно расплывчатым, тем не менее, вызывает в памяти образ императора. Искусство управления римлянами наиболее адекватно и полно представлено в слове «*princeps*». Естественно, подробное исследование истории этого термина не входит в задачи данной работы. Достаточно напомнить, что он служит для обозначения

умеренной монархической формы правления, как в реальной императорской титулатуре, так и в политической философии императоров I века новой эры¹⁵. Став, в конце концов, собственно названием императорской магистратуры, он не теряет своего непосредственного значения. Это относится прежде всего к тому, что для всех более или менее образованных людей он несет в себе напоминание о *De republica*. Кроме того, он важен еще и потому, что является чисто римским термином, без каких-либо греческих эквивалентов. Однако с конца эпохи Поздней Римской империи в литературный обиход начало входить слово *rex* для обозначения императора. Таким образом, слова *rex* и *princeps* стали практически взаимозаменяемыми.

Для времени правления Теодориха мы видим в «*Variae*» практически единичные случаи употребления термина *rex* для обозначения короля. Чаще всего Кассиодор использует титул *princeps*. Для посланий в «*Variae*», относящихся к царствованию Теодориха, мы имеем 57 примеров употребления слова *princeps* и 5 примеров *rex*. Ни разу Кассиодор не называет короля *pater*. Идея короля – отца своих подданных, широко распространенная у последующих авторов, в «*Variae*» не встречается.

Таким образом, если принимать во внимание словоупотребление, то именно в период правления Теодориха, и даже несколько позже, термин *princeps* служит в «*Variae*» для указания на политический идеал Кассиодора. Если *princeps* оказался более предпочтительным термином, чем *rex*, то этот выбор был, безусловно, соотнесен с идеалом, выраженным в *res publica*. Кассиодор еще находится в плену собственно античных представлений, сохранявшихся до Григория Великого, согласно которым, с одной стороны, *res publica*, *libertas*, *Romani cives*, а с другой – *gentes*, *servi* или *subjecti*; с одной стороны, *princeps*, с другой – *rex*. Для рождения идеала соотносимого непосредственно с *rex*, необходимо, чтобы умерли идеи гражданства, политической свободы, образа правления, достойного римлян, вся римская система ценностей, воплощенная в *romanitas*. Искусст-

венное и в значительной степени теоретическое сохранение античных идей, которым характеризуется правление Теодориха, сдерживает появление политического идеала, связанного с *rex*.

Образ Теодориха, каким мы видим его в «*Variae*», практически лишен каких-либо индивидуальных, личностных характеристик. Перед нами скорее идеальный *princeps*, нежели реальный человек. Было ли это желанием самого короля? Или же молодой квестор считал неуместным и неприличным останавливаться на конкретных чертах характера и личности короля? Думается, что причину следует искать не здесь. Так же как придворные церемонии и обряды пришли на смену спонтанным действиям, и как, начиная с III в., в официальной жизни физическая личность властителя отходит на задний план перед образом августейшего носителя верховной власти, точно так же литературный портрет короля связывается у Кассиодора прежде всего с представлением о монархе, которого узнают не по его личным чертам, а по неизменным атрибутам, призванным дать понять, что такой-то – «настоящий» король. Таким образом, описывая современную ему политическую ситуацию, автор обращается к освященной веками римской традиции, восходящей к «золотому веку» принципата – эпохе Антонинов. Сама постановка проблемы приобретает здесь, бесспорно, римское звучание.

Итак, «*Variae*» предстают перед нами как произведение, пронизанное идеалами римской государственности, римского понимания человека и общества. В них воплощены идеи времени, продолжающие римскую традицию – это идеальный образ государства, римского по своей сути, это идеальный образ светской культуры. Представленный в «*Variae*» мир – это мир не только реальный, но и мир искусственно сконструированный, мир политики, пропущенный через идеализированную культурой форму, в которой соблюдается такая соразмерность, где хорошее превышает дурное, даже когда в реальности идиллия нарушается. Ход реальной жизни пре-

вращается в нетленную форму, в которую можно вместить разные реальности. Конкретные детали исторического бытия обретают «эталонный» облик, утрачивая зыбкие признаки реальности, но в то же время становятся по-новому актуальными, образуя не реально-конкретное, а историко-культурное единство, в котором сливаются историческое, государственное, литературно-художественное и идеализированно-человеческое начала. Расхождения между фактами, с одной стороны, и образом Рима, созданным Кассиодором с опорой на нравственную и культурную традицию, – с другой, не может, как мы пытались показать, характеризовать этот образ как субъективную фантазию автора. Факты, опровергающие эту традицию и этот образ, конкретны, локальны, точны, но существует историческая точность иного рода – точность итогового обобщения, и при таком подходе картина, нарисованная Кассиодором, оказывается достаточно точной. «Субъективность, через которую проходит и которой отягощается соответствующая информация, отражает культурно-историческую специфику своего времени, представления, в большей или меньшей степени характерные для некой социальной группы или для общества в целом. Таким образом, текст, который “искажает информацию о действительности”, не перестает быть историческим источником, когда проблема интерпретации источников осознается как проблема интерпретации интерпретаций»¹⁶.

Образы Рима и идеального римского правителя, запечатленные в «*Variae*» Кассиодора, находятся, как выясняется, в особых отношениях с действительностью: жизнь общества и повседневное его бытие рассматривается через традиционную систему ценностей, а не в их непосредственности. В результате созданный образ изменяет представление об этой жизни в соответствии с идеальной нормой, при этом оказывается, что сама эта норма не только отклоняется от непосредственной реальности, но также отражает глубинные тенденции ее развития, а ориентированный на нее образ, созданный Кассиодором, бесспорно представляет взаимосвязь и взаи-

модействие общественной реальности и общественного идеала. В этих условиях образ Рима, предложенный в «Variae», следует квалифицировать как общественно-исторический миф, где идеализированное отражение реальности живет в сознании коллектива и влияет на его мироощущение. Историческая действительность вырастает из суммы и взаимодействия обеих сторон – конкретной эмпирии и мифа.

Общественно-исторический миф всегда непосредственно ориентирован на историческую память – коллективную и индивидуальную¹⁷. При этом миф представляет собой особую универсальную реальность истории, сильнейший регулятор общественного поведения. Мифы возникают вследствие того, что никакое общество не может существовать, если основная масса его граждан не готова подчиняться его законам, следовать его нормам, традициям и обычаям, если не испытывают удовлетворения от принадлежности к нему как к своему миру. Эта готовность имеет своим основанием еще более глубокую интенцию – потребность в солидарности общественного коллектива. Так как сама эта потребность остается непреложной, то возникающий зазор между нею и тем, что реально есть, может быть, если не устранен, то примирен на основании веры в осмысленность общественной организации, к которой человек принадлежит. Образ общества и норма отношений, в которых реализуется такая вера, и составляют общественно-исторический миф¹⁸.

Природа общественно-исторического мифа двойственна. С одной стороны, он выступает как сила, гармонизирующая социокультурные противоречия в данное время и в данном социуме. Но, помимо этой синхронной роли, есть у мифа и другая роль – диахронная. Он помогает времени и социуму как бы возвыситься над самими собой, над своими повседневными целями, обнаруживая для себя в них и через них цели и интересы более возвышенные и духовные. Санкцией их возвышенности является историческая память, запечатлевшая образ прошлого созвучный интересам дан-

ного времени. Естественно, в таком соединении нет никакой сознательной фальсификации: миф является частью культуры усваивающей эпохи, которая раскрывает в эпохе усваиваемой некоторые близкие себе грани. В силу этого усвоения сам исторический материал, откликаясь на эти запросы, выстраивается в соответствии с ними и живет именно как образ исторического прошлого¹⁹. Конечно, воздействие общественно-исторических мифов на общественную практику обнаруживается особенно отчетливо именно в критические моменты жизни социума. Наследие каждого общества – часть его мифа, а тем самым его история.

Следует отметить, что, хотя римский мир (рах готана) распался, универсалистская идея римской государственности продолжала довлеть над общественным сознанием эпохи. Вызревшая в недрах римского сознания и абсолютизовавшаяся государственность как высший принцип социального мироустройства, эта идея была воспринята нарождавшейся средневековой цивилизацией и органично вписалась в ее культурно-исторический арсенал. Средневековые модификации этой идеи нашли отражение в империи Карла Великого, «Священной Римской империи германской нации», в бесконечных теократических притязаниях папства, концепциях «второго» и «третьего» Рима. Показательно, что даже папа Григорий Великий (590–604), известный как противник античной культуры, противопоставлявший «истинную мудрость», «непросвещенную ученость» христианских проповедников греховной языческой образованности, излагая принципы устройства небесного царства, апеллирует к римской государственности, уподобляя его обитателей «гражданам духовного государства», а ангелов – римским консулам.

---

¹ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 226.

² Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 9–10.

---

³ Кнабе Г.С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 1999. С. 154–155.

⁴ Уколова В.И. «Последний римлянин» Боэций. М., 1987. С. 19.

⁵ Репина Л.П. Указ. соч. С. 39.

⁶ О жизни и творчестве Кассиодора см.: Уколова В.И. Флавий Кассиодор // ВИ. 1982. № 2. С. 185–189; Она же. В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII века). М., 1989; Шкаренков П.П. Флавий Кассиодор: римский сенатор в эпоху крушения Империи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 8. М., 2002. С. 391–407.

⁷ Уколова В.И. Указ. соч. С. 98.

⁸ Ibid. 8: «... deinde quod rubes viros et ad rem publicam conscia facundia praeparatos labor tuus sine aliqua offensione poterit edocere et usum quem tu inter altercantium pericula jactatus exerces, illos qui sunt in tranquillitate positi contingit felicius adipisci».

⁹ Ibid. 9: «... tanta regum beneficia, si si pateris ignorati, frustra maluisti benigna festinatione concedi. Noli, quaesumus, in obscurum silentii revocare, qui, te dicente, meruerunt illustres dignitates accipere».

¹⁰ Ibid. 10-11: «... deinde mores pravos regis auctoritate recorris, excedentis audaciam frangis, timorem legibus reddis».

¹¹ Ibid. 11: «Celas etiam ut ita dixerim speculum mentis tuae, ubi te omnis aetas ventura posset inspicere».

¹² Ensslin W. Theoderich der Grosse. München, 1947. S. 155. См. также прекрасную работу А. Фрида (*Fridh Á.J.* Terminologie et formules dans les «Variae» de Cassiodore: études sur le développement du style administratif aux derniers siècles de l'antiquité. Stockholm, 1956. P. 60). Автор сравнивает терминологию Кассиодора с терминологией, принятой в римском имперском делопроизводстве, и приходит к выводу, что Кассиодор тщательно следует традиции, сложившейся именно в Западной Римской империи. Эта традиция существенно отличается от практики, распространенной на Востоке. Более того, А. Фрид подчеркивает (Ibid. P. 59), что в документах Остготской Италии используется больше формул, чем в «Новеллах» Юстиниана.

¹³ Об остготском «ренессансе» см.: Уколова В.И. Особенности культурной жизни Запада (IV – первая половина VII в.) // Культура Византии IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 78–97; Она же. Культура Остготской Италии // Средние века. 1983. Вып. 46. С. 5–12; Courcelle P. Les lettres grecques en Occident de Macrobe à Cassiodore. Paris, 1948. P. 257–287.

¹⁴ Мысль о том, что Теодорих является «учеником» императора (*didicimus*), воспроизводится дальше посредством «qui quantum vos sequimur». *Sequor* передает идею ученика, который следует за своим наставником, который входит в его круг, «секту». Ср. обращение Лукреция к Эпикуру: «Te sequor, o Graiae gentis decus».

¹⁵ Шалимов О.А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I – начале II века н.э. М., 2000. С. 40–43; 60–61.

¹⁶ Репина Л.П. Современная историческая наука и интеллектуальная история // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6. М., 2001. С. 7.

¹⁷ Она же. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). С. 20–21.

¹⁸ Подробнее о формировании и функциях общественно-исторических мифов см.: Кнабе Г.С. Избранные труды. История и теория культуры. М.; СПб., 2006. С. 429–440; 900–903.

¹⁹ Там же. С. 1113–1117; 1157–1177.